

ЭФОРУМ

№ 1 (57) февраль, 2018 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ
ЗНАКОМИМСЯ.....2

«Нужно научиться любить собственные ошибки, тогда из вас получится толковый полевой интервьюер». Интервью с Дмитрием Рогозиным

УЗНАЕМ.....5

О «травме» и профессиональном выгорании полевика

УЧИМСЯ.....9

Полевая этнография: методология, этика и практика

ШУТИМ.....14

Интервьюер 80 lvl

Уважаемые читатели!

В то время как опросная индустрия переживает кризис общественного доверия, интервью как метод сбора данных становится все более популярным. Однако мастерство проведения интервью заключается не только в способности получить необходимую (сенсационную, богатую на смыслы, в конце концов – искомую) информацию, но и в умении чутко слушать и ответственно обращаться с респондентом. Исследователь аксиоматически следует принципу «Не навреди», но редко ставит ситуацию «на паузу» и прислушивается к себе. А ведь то, что происходит в поле, в ситуации общения с информантом, бывает очень интеллектуально и эмоционально непросто. Иногда такой опыт даже может стать травматическим. Именно об этом мы и хотим поговорить на страницах нового номера.

В рубрике «Знакомимся» кандидат социологических наук, руководитель Лаборатории методологии социальных исследований РАНХиГС, старший научный сотрудник Института социологии РАН и опытный полевик Дмитрий Рогозин рассказывает о недооцененных эмоциональных и этических аспектах интервью, важности открытого разговора и необходимости разрушать теоретические концепты в поле.

В рубрике «Узнаем» младший научный сотрудник ЛЭСИ и преподаватель кафедры экономической социологии Елена Гудова рассматривает причины и (недооцененные) последствия травматического переживания полевой работы. Слабо артикулированный «эмоциональный труд» полевика не только искажает представления о специфике методологии качественных исследований, но и создает обманчивые ожидания у тех, кто

Dreamstime.com

только отправляется за своим первым эмпирическим опытом.

В рубрике «Учимся» студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» Лариса Бархатова размышляет об особых методических приемах проведения «кратких этнографий» российскими исследователями. Одной из ключевых проблем, согласно ее исследованию, является низкий уровень социального капитала и нехватка институционального и межличностного доверия, что затрудняет «вход» в поле. Решением проблемы могут быть предварительное погружение в объект и конструирование общей идентичности.

В рубрике «Шутим» представлен модифицированный тренажер для отработки интервьюеровских приемчиков, предложенный антропологом Дарьей Радченко и интернет-исследователем Полиной Колозариди. Зарабатывай «ачивки» и прокачивай навыки – скоро в «поля»!

С пожеланием интересного чтения!
Редакция «ЭСФорума»

«Нужно научиться любить собственные ошибки, тогда из вас получится толковый полевой интервьюер»

Интервью с Дмитрием Рогозиным

Дмитрий Рогозин

кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, старший научный сотрудник Института социологии РАН

– **Первый мой вопрос касается вашего «Интервью с интервьюерами»¹. Вы беседовали с врачом, социологом и журналистом, и врач не очень очевиден в этом контексте. Поэтому вопрос такой: кто для вас полевой интервьюер?**

– Тот, кто задает вопросы с некоторой целью, определенной до начала разговора. Даже если мы имеем в виду экзотические типы интервью, мы все равно приходим с некоторыми задачами, например, узнать жизненный мир, установки, повседневность и так далее. Поэтому полевой интервьюер – это человек, который держит рамку полевого интервью, у которого всегда есть некоторая внешняя дистанция. Интервьюер может быть исследователем, или исследование может корпоративной командой производиться, в нем может участвовать и респондент. Но базовая вещь – это цель. Интервьюер отдает себе отчет в некотором концептуальном аппарате исследования. Меня многие не понимают в среде поллстеров, потому что считают, что интервьюер – позиция подчиненная. Как солдат: «мое дело подносить снаряды», а куда они стреляют – все равно, пусть опреде-

ляет большое начальство. Здесь у нас мешается интервьюер и исследователь, и я провожу знак равенства, потому что теория – это система понятий, которой мы объясняем мир, она творится в коммуникации. Коммуникация возможна только тогда, когда мы разделяем некоторое понимание, а это и есть теоретическая конструкция. Как у Гегеля: нет ничего практичнее теории. В этом смысле нет ничего более прикладного и полевого, чем осознанная в разговоре теоретическая рамка.

– **Нужно ли предпринимать какие-то меры для помощи интервьюерам, вводить их в курс задачи исследования, рассказывать им об операционализации?**

– Говорят, что это важно, но я бы не об этом говорил. Задача – экспликация тех теоретических рамок, которые возникают. Обратная связь – плохое название для этого, потому что речь идет о теории, которая конструируется в поле. Хорошее интервью по производству теоретических концептов всегда автобиографично. Автоэтнография делает больший акцент как раз на теоретическую рамку, на описание культурных феноменов. В данном случае любой разговор – это тоже некоторый акт культурного взаимодействия, даже если он проходит на ненормативной лексике. И вот это очень сложная задача. В большинстве случаев не-исследователи это упускают, потому что это чрезвычайно сложно, ведь экспликация той теоретической рамки автоматически приводит к разрушению собственной. Очень сложно удерживаться в какой-то позиции, когда происходит что-то, что не вписывается в ваши исследовательские концепты. Как правило, естественная защита – не замечать. Но только через разрушение собственных концептов можно достичь понимания границ применяемых объяснительных моделей. Умение точно сконцентрироваться, сфокусироваться – вот базовая вещь, которую исследователи

должны навязывать интервьюерам. Геннадий Семенович Батыгин приво-дил очень хорошую метафору. В московских парках многие годы играют в шахматы старички. Батыгин говорил: «Если вы подойдете к доске, как исследователь, ничего не будете знать и начнете фиксировать все, вы можете набрать тысячи транскриптов наблюдений, но ничего не поймете о шахматной игре. Надо смотреть на другое». Вот точно так же и мы все время. Очень много объяснений, которые мы создаем, и которые имеют флер рассказов о правде жизни. Это ярко действует на окружающих, но не выходит за рамки интеллектуального туризма и имитации исследовательской практики.

– **Существует ли прививка от такого исследовательского снобизма?**

– Прививка называется «послушание». В исследовательском труде послушание развивается через рутинную исследовательскую работу. Лучшая практика – это когда исследователь, даже обремененный всякими титулами и званиями, садится и делает расшифровки, или берет интервью, или проводит кодирование, то есть делает рутинную работу. Исследователь должен разрушать ту иерархию, которая постоянно создается сама, самовоспроизводящийся статусный порядок.

– **Давайте поговорим о сензитивности. Как понять, что для информанта вопрос является сензитивным?**

– Первое – это переживание собственной неловкости, то, как тело, мысли, чувства и сознание отзываются на вопрос в конкретной ситуации. Разговаривая с респондентом, вы, сами того не замечая, говорите: «Вы знаете, вот такой вопрос, неловкий. Спрошу, но вы можете не отвечать». Сами заикаетесь, глотаете, а иногда просто ничего не можете сказать. Ваша неловкость – это сигнал к тому, что вы подошли к сензитивной теме. Второй сигнал – реакция

¹ 31 января 2018 г. в Фонде «Общественное мнение» прошло публичное групповое интервью Дмитрия Рогозина с Юлией Варшавской, Ярославом Ашихминым и Катериной Кожевиной.

респондента. Есть респонденты, которые говорят: «Я не буду отвечать на этот вопрос». Но чем дальше от вас респондент по социальной дистанции, тем менее определено идут отказы. Что тут говорить, невербальная реакция – большая редкость, но время от времени люди даже краснеют. Современный человек подавил свои естественные реакции: разучился плакать, громко смеяться, жестикулировать... но это все равно встречается. Интервью, которые я беру, часто очень эмоциональны, и слезы, смех – обычная практика. Я сначала терялся от этого. Плохая реакция интервьюера – это кинуться успокаивать и подносить платок, т.е. стараться блокировать слезы. Звучит не очень хорошо с точки зрения обыденного разговора, но иногда поддержание слез на некоторой дистанции является техникой для развертывания темы. Нужно, чтобы человек почувствовал, что вы становитесь слушателем. Важно вести себя с человеком так, чтобы, не травмируя, дать вербализацию всему тому, что давит его изнутри. Это не всегда помогает, но годы психотерапевтической работы, тома, написанные основоположниками и последователями, показывают нам, что за этим методом много чего стоит. Третье – это социальный контекст. Потому что сензитивность связана не столько с самой темой, сколько с контекстом, в котором эта тема озвучивается. Например, приведите какую-нибудь бабушку в бордель. Создайте контекст вокруг бабушки, где вдруг возникнет то, что выбивает ее из повседневного ритма, я вас уверяю, там откроется бездна информации, которая закрыта внутри в обычных условиях. Здесь важно, конечно, не переусердствовать. Четвертый сигнал сензитивности – это то, что определяется в данной конкретной культуре как критически неприемлемый поступок. Думаю, что и у вас найдется с десяток поступков, о которых вам бы не хотелось говорить. Когда человек переживает стыд, то понятно, что это становится чрезвычайно сензитивной для него темой, и здесь нужны техники исповедальности. Даже в самом продолжительном интервью элементы погружения в глубины человеческой психики и представлений – чрезвычайно ред-

кие удачи. Здесь нужны специальные навыки сопереживания и расположения к себе, а не просто умение молчать, когда говорит другой. Нужны элементы присматривания за происходящим. Пятое – это когда ваши слова нарушают мир «интимности» другого, и тема становится сензитивной. Ты не знаешь, как отзовутся твои слова. Надо установить доверие, но я думаю, не в доверии здесь дело. Доверие – важная составляющая, но, мне кажется, она сильно переоценена в современном дискурсе, это одна из десятков практик, которые стоят в этом ряду.

– **Можно ли говорить об установлении психологического контакта в социологическом интервью?**

– Безусловно. Журналисту, прежде чем загнать кого-то в угол, нужно установить контакт, дать человеку расслабиться, чтобы он не заикался. Точно так же в качественном интервью есть элементы разговора ни о чем, подстройки под тему. Еще один элемент – разговор о себе. Нужно быть готовым, прежде чем обнажать человека, обнажиться самому. Я убежден, что в исследовании искренность симитировать нельзя.

– **Не переоценен ли образ интервьюера: его внешность, поведение, манера речи? Какую роль это играет в интервью?**

– Нет, не переоценен, но сам интервьюер у нас недооценен. Нормы при устройстве на работу на позицию интервьюера или в какие-то исследовательские компании носят скорее ритуальный характер. Здесь не работают рекомендации позитивистского толка: идете к чиновнику – должны надеть галстук, идете к рабочему – должны надеть робу... Речь о том, что вы должны все сделать, чтобы ваш образ был целостным, чтобы то, как вы выглядите, соответствовало вашей стратегии. Важны не сами элементы того, что происходит, а продуманность. Я бы сказал, дополняя изречение Пола Фейерабенда «все возможно», что все осмысленно возможно. Говорят, что качественное интервью – это интервью эмпатическое. Я считаю, что интервью может быть построено на конфликте, но это должен быть обдуман-

ный конфликт, не случайный. Это не значит, что интервьюер может впасть в истерику, если ему стало тошно от того, что он слышит, или что при разговоре с преступником интервьюер должен перенять его картину мира. Единственное требование: вести ты себя можешь как угодно, но будь добр зафиксировать свое поведение и ответить на вопрос, почему ты это делаешь. На диктофоне можно зафиксировать лишь внешнюю речь, а записи о том, как ты осмыслял это и какие у тебя были идеи, дают необходимую информацию для интерпретации происходящего в интервью. Поэтому хорошее интервью не обходится лишь расшифровкой аудиозаписи, к нему нужно приложить и краткий отчет или дневник интервьюера.

– **Вы подняли важную тему – эмоции в интервью. Сказали, что нужно делать с эмоциями информанту. А вот что делать исследователю со своими эмоциями?**

– Работать с ними, но здесь нет точного рецепта. Интервью – это обмен потоками трех типов. Один тип – это информация. Это обыденное, повседневное представление, им, как правило, и ограничиваются, потому что думают, что мы приходим говорить с человеком с целью что-то от него узнать. Но это лишь малая часть. Вторая – как раз обмен эмоциями, и это очень важно. Третье – этические нормы, представления о хорошем и плохом. Искусство интервьюирования – это управление эмоциями и способность продуктивно разрешать этические конфликты, а ему не учат.

– **Поднимая вопрос этики. Имеет ли право социолог в интервью загонять человека в угол, как это может сделать журналист?**

– Думаю, да. Но социолог несет ответственность за последствия интервью. И здесь мы приходим к очень сложным этическим вопросам. Увы, но часто их пытаются решить по бюрократическим лекалам, и это ужасно. Батыгин различал разные виды этики. Одна из них – кантовского типа: здесь исследователь несет ответственность даже не за то, что происходило внутри разговора, а за «ремонт» произошедшего и за то, что

будет потом. В этом смысле у хорошего интервью самая важная часть, которую, как правило, не обсуждают, – это завершение, возвращение к информированному согласию в конце беседы и определение правил взаимодействия с происходящим после того, как все закончится. Это очень сложная часть. В стандартизированных интервью мы раз за разом на это ругаемся, когда проводим контроль работы интервьюеров и слышим, что трубка была положена интервьюером на полуслове. Респондент должен класть трубку, собеседнику нужно дать выговориться. С качественными интервью все еще сложнее. Любой разговор создает ожидание. Эти ожидания надо снимать, но обрывать их сразу – плохая коммуникативная стратегия. Тут очень помогают материальные артефакты – подарок, коробка конфет, т.е. перевод в другой формат, отвлечение внимания. У меня все качественные интервью фактически двухактные, они идут примерно по одному сценарию: «да, спасибо, до свидания» и далее то, что условно называется «может чаю попить». И вот это «может чаю попить» по времени примерно такое же, как и интервью. То есть интервью полтора часа и «может, чаю попить» полтора часа. Вот эти полтора часа – это завершение интервью. Чтобы завершить какой-нибудь интенсивный разговор, надо в три раза больше времени на разного рода разговоры о том, какое у вас варенье. Спорный элемент – употребление алкоголя во время интервью. Вроде бы это измененное сознание, но без этого состояния порой вообще не будет разговора. Является ли это той ценой, которую нужно заплатить, чтобы состоялся разговор? Ведь понятно же, что это не единственное средство, возможны другие. Тогда зачем это делать? Ответа нет.

– **А как полевому интервьюеру не споткнуться о созданные им самим заранее границы сензитивности?**

– Не знаю. Я стараюсь не подходить к интервью с безусловными максимумами и правилами. Если в интервью вдруг происходит что-то неординарное, то я забываю о первоначальном интересе и развиваю этот. Это абсо-

лютный провал с точки зрения тактического исполнения исследования, потому что это разрушение исследовательского плана и командной работы, но это верное действие в долгосрочной стратегии. Мы позволяем интервьюерам развивать тему: если человек хочет выговориться, дайте ему такую возможность. Это расточительно, но позволяет уменьшить ошибки измерения и создает возможность выйти куда на более глубокие различия, чем мы заложили в самом вопросе. Интервью становится глубинным, размываются рамки количественного и качественного подхода. Потому я считаю, любое интервью может на раз сделаться качественным, каким бы стандартизированным по форме оно не представлялось.

– **Вы проводили много исследований на сложные темы: старость, умирание, профессия полевого интервьюера. Расскажите, пожалуйста, о самых сложных полях?**

– Если идти от респондента, то самое травмирующее поле – неожиданным образом, потому что до этого у меня там были поля с уголовниками – были биографические интервью с выпускницами детских домов, девочками 18–22 лет. Они рассказывали о своей жизни, и меня просто «выбило». Сначала я думал, что у одной девочки была какая-то уникальная судьба, но когда история начала повторяться... это невозможно! Казалось бы, что такое – десять лет жизни? А у нее в эти десять лет умещены изнасилование, наркотики, продажа близких, убийство! Вот самое сложное поле, и по нему я даже ничего не написал. В доме престарелых, со стариками поле тоже очень травмирующее, но тут ты хотя бы немного готов. В общем, если про поля говорить, вот, поле было с этими девочками, наверное, самое сильное, самое тяжелое. Еще мы год изучали людей, только что вышедших из колоний, их практики трудоустройства. Изучаешь – и не хочется. Ловишь себя на мысли, что этот мир хочется просто вычеркнуть. У них уклад полностью транслирован из тюрьмы, весь город через этих эзков на свободе. В общем, мы разговариваем то ли с токарем, то ли со слесарем, интер-

вью уже закончилось, и что-то меня дернуло спросить про запись в трудовой книжке, а он говорит: «А у меня нет трудовой книжки». Выясняется, что у них есть бригада, которую держит пахан, который спихивает на них авральную работу с завода. Они неформально работают, он устроен на заводе за всех и получает деньги, а потом раздает. Я был поражен, мне и в голову не приходило такое распределение неформального труда, и оно всплыло случайным образом в конце. А в самом интервью все шло своим чередом. Парень смысленный попался, сам и подытожил: «Мы с вами из разных миров, и никогда друг друга не поймем». Это было очень сложно, и я тоже ничего не написал, не хватило сил. Но само собой, в таких полях и развивается профессионализм: хороший интервьюер как раз с этим должен работать, потому что здесь и возникает настоящий Чужой, зиммелевский. Для них это обыденность, они это считают нормальным, но вот пришел ты, настоящий чужой, и удивился настолько, что можешь сказать что-то значимое о происходящем.

– **Вы помните свое самое первое интервью?**

– Да, это было в 1993 году. Я пошел устраиваться в банк работать, это интервью при устройстве на работу. Почему я это называю интервью и помню об этом? Я не брал с собой диктофон, но меня настолько вдохновил обмен репликами, что, когда интервью закончилось, я как можно ближе к тексту записал разговор, потом еще проанализировал и сделал из этого разговора чуть ли не курсовую. Я реверсировал роли: стал интервьюером, отвечая на вопросы. Начальник департамента реализовала рабочее интервью, а я реализовал исследовательское. Даже роль интервьюера и респондента, формально распределенная, может быстро реверсировать, и вы, задавая вопросы, можете стать респондентом, а тот, кто отвечает – интервьюером, если он пройдет полный цикл и как-то обработает эту вещь. Я все жду случая в своей жизни, когда в конце интервью респондент вытащит диктофон.

– **Какой совет могли бы дать студентам младших курсов, которые**

только-только выходят брать свои первые полевые интервью?

– Перестать думать, что это их интервью. Лучше вообще начинать брать интервью не самим, а идти в диаде с кем-нибудь. Наилучший вариант – пойти работать интервьюером. Перестать думать, что я, студент, занимаюсь большой наукой, и вот у меня исследование. Встать в ситуацию послушания и делать то, что не хочешь изучать, а то, что нужно. Тогда начинаешь понимать, что не так с тем, как ты спрашиваешь. Потому что если ты увлечен предметом, то тебе все хорошо! И слова льются, и вопросы задаются – и даже если ты плохо поговорил, все равно это дрова в топку общей темы, поэтому у тебя возникает ощущение, что в качественных интервью нет плохих интервью. Попробуй сделать по той теме, которая тебе не близка, терминологически непонятна. Так конструируется ситуация обучения, возможность увидеть ошибки, а не только радоваться находкам. Я сторонник подхода «бросить в воду, и пусть плывет», но с подстраховкой. Обязательно нужно в команде с напарниками рефлексировать и обсуждать свои интервью. И, конечно, нужно просто брать интервью. Это ведь как езда на велосипеде: нужно брать и брать интервью, и при этом рефлексировать. Если процесс интервью кажется бессмысленным, значит, опыт не набирается. Как и с ездой на велосипеде, в обучении интервью могут закрепиться неудачные практики, которые будут создавать массу ошибок измерения. Толкая респондента как можно быстрее отвечать на вопросы, вы создаете артефакты, а самый большой артефакт – это огромные табличные вопросы, которые считаются эталоном маркетинга. Это институциональный бред, который создается плохим обучением. Разговор с незнакомцем – это травмирующая практика, если она у вас вызывает дикий восторг, значит, с вами что-то не так. Но вы должны понимать, что это не бессмысленно. Нужно научиться любить собственные ошибки, уметь о них открыто говорить, тогда может быть из вас получится толковый полевой интервьюер.

Беседовала Анна Соколова

О «травме» и профессиональном выгорании полевого

Елена Гудова

преподаватель кафедры экономической социологии, младший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ

Это эссе задумывалось как приглашение к обсуждению тягот и трудностей полевой работы на «Форуме полевых интервьюеров», проходившем в Томске 28–29 сентября 2017 г. Не строя иллюзий касательно своей искушенности в проведении интервью (но осознавая, что этап «новичка» все-таки пройден где-то лет 7 назад), я хотела поделиться очень простым соображением: кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы не стать чудовищем самому. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя. Это блестящий афоризм Ницше из «По ту сторону добра и зла», а моя мысль была в том, что «поле» может дать сдачи. И случиться это может по-разному. Зачастую сам факт того, что нужно с кем-то разговаривать, уже достаточно травматичен, поэтому иной раз исследователи (как начинающие, так и опытные) руководствуются не природой стоящего перед ними вопроса, а методологическими предпочтениями. Анкеты-то собрать проще – разговаривать не надо¹. Но если перешагнуть через это зло неизбежности общения (и дальше предположить, что мы не выбираем онлайн-опрос

как максимально «безопасный»), логика выстраивается примерно следующая: степень формализации не только задает структуру опроса, но и определяет возможности для формализации самой ситуации взаимодействия с информантом. В опросе легче «отремонтировать» (или, при необходимости, завершить) коммуникацию, чем в интервью, а тем более в этнографии – просто потому, что таков фрейм. В нем не нужно работать со смысловыми конструкциями, улавливать невербальные сигналы, распознавать и бережно обходиться с эмоциями. Формальная стандартизованная процедура и догматика очерчивают призрачный мостик над пропастью бесконечно сложных и мутных людских эпистемологий и онтологий. А вот интервью – это «прыжок веры».

Примерно так мы представляем сопутствующие сложности коммуникации с информантами, сравнивая количественные и качественные методы. Спасибо Томску и «Школе полевых интервьюеров» за то, что развенчала для меня этот миф и показала, что опросная индустрия еще даст фору «мягким методам» по уровню эмоционального выгорания и фрустрации интервьюеров. О том, как массовые опросы «дают сдачи», блестяще написано в книге Дмитрия Рогозина «В тени опросов, или Будни полевого интервьюера»². В этом же небольшом эссе я хочу затронуть сюжет, о котором обычно лишь вскользь упоминается в курсах, книжках и программах по социальным наукам, и поговорить о травматичности полевой работы.

Кратко о философии (но она не виновата)

Представление о том, что социальный мир отличается от природы и заслуживает особенных методов изучения, усиленное идеями герменевтики, феноменологии и символического интеракционизма, является

¹ Хотя есть и обратная логика, чаще среди «неискушенных»: лучше собрать 20 интервью, чем 200 анкет, это ведь всего 20. Ну да. Всего 20.

² Рогозин Д.М. В тени опросов, или Будни полевого интервьюера: исследование. М.: Страна Оз, 2017.

основным действующим пигментом в целой палитре исследовательских инструментов, которые условно называют «качественными». В противоположность количеству, качество бесконечно проблематизирует, деконструирует, собирает и разбирает пазл различных смыслов, которые обнаруживают себя в процессах общения с информантами, наблюдения, анализа документов и материальных объектов. Постулат субъективной интерпретации Шюца заостряет внимание на необходимости исходить из точки зрения действующего при описании и концептуализации социального мира; социальный конструктивизм Бергера и Лукмана подчеркивает со-производство реальности и происходящего; символический интеракционизм (в версиях Дж.Г. Мида и Г. Блумера, а также далее драматургия И. Гофмана и этнометодология Г. Гарфинкеля) показывает невероятную важность ситуации взаимодействия. Можно и дальше перечислять источники вдохновения качественных методов, но основная идея заключается в следующем: понять точку зрения Другого можно исходя из представлений о том, кто это (со всеми сопутствующими ролями, позициями в структуре, капиталами и проч. – в зависимости от теоретических предпочтений), какова ситуация межличностного взаимодействия (предпосылки и фрейм, ее совместное конструирование, интересубъективность и проч.) и каков более широкий контекст (культурно-исторический, социальный). Это все – некоторые «метаданные» общения с информантом, которые являются едва ли не более важными, чем сам разговор в рамках интервью, но очень неудобны для опроса.

Бесконечный спор о том, какие методы лучше решают те или иные задачи и объективнее позволяют описать реальность³, разворачивается между различными теоретическими парадигмами, позитивизмом и герменевтикой. Это противопоставление делает возможным существование поля социальной теории, внутри которого есть масса ответов на вопрос, как мы вообще можем познать то или иное явление. Как метко выразились Г.С. Баты-

³ Который даже называется «спор о методе» и представляет собой кризисный момент в теории социологии

гин и И.Ф. Девятко, «Дилемма “качественное – количественное” находится в центре сооружаемой ныне грандиозной эпистемологической кучи»⁴. Именно *эпистемологической*. Спор о методе затрагивает критерии научности, возможности познания, объективности и обобщения, он не распространяется на этические и, тем более, онтологические вопросы. А на мой взгляд, поле «дает сдачи» именно здесь.

Кратко об антропологии (хотя и ее вины здесь нет)

В свое время Г.Г. Татарова предложила концепт «методологической травмы» для «обозначения ситуации растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов

в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности»⁵. Переживание постоянного беспокойства и непонимания, какая же из всех социологии круче, сомнения в выборе концептуального подхода и научной ценности объекта – явления достаточно распространенные и болезненные. Симптомы такой травмы проявляются в навязчивых вопросах «Туда ли я движусь?», «Есть ли во всем этом смысл?», «Что в итоге?». Однако «травматическим» может быть и опыт использования конкретных методов (речь далее пойдет об интервью и этнографии). Более того, здесь последствия могут проявляться за рамками профессиональной и учебной деятельности. Как заметил в книге о своем исследовании в Марокко Пол Рабиноу, его родной департамент антропологии Университета Чикаго делился на две категории людей – тех, кто уже побывал в поле, и остальных.

Вопросы, связанные с влиянием исследователя на информанта в процессе интервью и с возможными смещениями, затрагивались не раз. «Эффект интервьюера», асимметрия власти, степень вовлеченности и эмпатии, варианты «закрытия» и этические дилеммы – все это рано или поздно попадало в фокус социальных наук. Этнографический метод в представлении Бронислава Малиновского предполагает разделение сбора исследовательской информации «в поле» и последующее ее осмысление «за письменным столом»⁶. Только вот инструментом в данном случае является не гайд и даже не концептуальная схема, а сам исследователь, со всей присущей ему фактичностью. Именно поэтому критически важно осмыслять, как именно она искажает получаемые данные, и разделять две ипостаси себя. Лучше всего это можно сделать через письмо, поскольку объективация

⁴ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.

⁵ Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.

⁶ Ушакин С.А. Этнография себя, или о пользе формализма в антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 160–172.

на бумаге отчуждает субъективный опыт от объективной науки⁷.

Но в 1967 г. все меняется. После посмертной публикации личных дневников Малиновского, которые он вел во время своей полевой работы в 1914–1915 и 1917–1918 гг., оказывается, что за фасадом «Аргонатов западной части Тихого океана» автор испытывал не самые приятные чувства к тробрианцам – от раздражения до явной агрессии. Например: «В 4 начал работать в саду Матаора. Они врали, умалчивали и всячески раздражали меня. Здесь я все время в мире лжи»⁸. И еще: «Среда, 4.25. Снова раздражение. Пришлось обратиться за помощью к М'бвасиси [колдун коралловых садов на о. Вакута. – Е. Г.], чтобы угнаться за остальными. В конце концов, после этой суматохи я уложил свои вещи в вага [лодку. – Е. Г.]. Но я был так зол, что просто не мог смотреть на этих негров»⁹. Или такой пример, где тробрианцы не были причиной злоключений, но им все равно досталось: «Понедельник. Встал в 7, прошелся по деревне. *Kumaidona tomuota bilouai wapoulo* [все ушли рыбачить]. Это меня немного раздражало. *Kilesi Imkubaviva vatuai Saipwana*. Я решил поснимать. Оплосал камеру в районе 10 – испортил что-то, испортил один рулон пленки. Ярость и горечь обиды. Против судьбы. Но в конце концов он, вероятно, сделает свою работу. Пофотографировал женщин. Снова вернулся к раздраженности»¹⁰.

Публикация дневника вызвала вал критики и комментариев, иот сдержанных и прохладных до открытого возмущения. Анонимный рецензент в престижном литературном еженедельнике *The Times Literary Supplement* назвал дневник «крайне скучным повторением банальностей». Иан Хогбин, который некоторое время работал вместе с Малиновским и знал его достаточно хорошо, отметил в своем отзыве в *American Anthropologist*, что «издание не представляет интерес ни для кого, будь он антрополог, психолог, исследователь биографии или просто сплетник». Эдмунд Лич подчеркнул, что дневник дискредитирует всех заинтересованных и упомянутых участников. Однако не менее важно, что публикация настолько личного документа, по словам Лича, должна была полностью перевернуть романтизированное представление об исследователе в поле. Дневник антрополога-полевого был буквально устройством для схватывания и сохранения реальности в травматических ситуациях, способом катарсиса, но ни в коем случае не сбалансированным отчетом о внутренней личности писателя¹¹.

⁷ Юдин Г.Б. Субъект глазами объекта: политическая антропология полевой социологии // Социология власти. 2016. Т. 28. № 4. С. 57–82.

⁸ Malinowski B. A Diary in the Strict Sense of the Term. Stanford University Press. 1989. P. 234.

⁹ Ibid, P. 261.

¹⁰ Ibid, P. 165.

¹¹ Firth R. Second Introduction // Malinowski B. A Diary in the Strict Sense of the Term. Stanford University Press. 1989.

Рэймонд Фирт в предисловии ко второму изданию книги в 1987 г. кратко вспоминает эти и другие отзывы, но, что даже более важно, окидывает взглядом случившуюся за прошедшие 20 лет революцию в этнографическом методе. Наиболее показательным и даже вынесенным в аннотацию отдельных версий издания «Дневников» является мнение Клиффорда Гирца. Так, если в 1967 г. он писал, что книга лишь «показывает автора раздражительным, самонадеянным ипохондрическим нарциссом, чья общность интересов с людьми, с которыми он жил, была крайне ограниченной», то в 1988 г. он уже писал о дневнике как о «закулисной шедевре антропологии, “Двойной спирали”¹² дисциплины»¹³.

Фирт не просто констатирует, что взгляды внутри дисциплины поменялись или пришла новая мода – за это время в социальных науках вообще много чего произошло и было написано. Особый интерес в данном случае представляет так называемый «рефлексивный поворот» в антропологии. Если Малиновский, помня о неотъемлемой фактичности антрополога и разделяя его исследовательскую роль и персоналию, стремился «зафиксировать» ее в тексте (и таким образом избавиться), рефлексивные этнографы начали намеренно вписывать ее в свой нарратив¹⁴. «Остранение» стало не просто инструментом дистанцирования от материала, но и самим материалом. В какой-то момент фокус на отношениях вокруг исследователя и происходящих с ним процессов стал несопоставим с гирцевским вниманием к культуре как «осуществленному документу (*acted document*), фактически сформировав водораздел между двумя ведущими традициями в американской социокультурной антропологии»¹⁵.

Оказалось, что понимать другую культуру и вообще Другого – не просто невероятно сложно, но и крайне неприятно. В «Десяти обманах этнографии» Гэри Алан Файн прямым текстом пишет, что полевая работа проверяет не только технические навыки (такие как точность и наблюдательность), но испытывает классические добродетели доброты и честности исследователя, да и вообще угрожает его или ее этнографическому «я» в вопросах искренности и справедливости¹⁶. Поле «дает сдачи» не только в бесконечных эпистемологических сомнениях, но и в этических противоречиях. Более того, Рабиноу не зря писал, что департамент делился на тех, кто «уже» и кто «еще не» – ведь эмоциональные и интеллектуальные изменения происходят не только с информантом, но и с исследователем. Для него этот про-

¹² «Двойная спираль» (1968 г.) – автобиографическая книга американского биолога Джеймса Дьюи Уотсона, получившего в 1962 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине за открытие структуры ДНК.

¹³ Например, его высказывания можно найти здесь: <http://www.sup.org/books/title/?id=2891> в предисловии Stanford University Press

¹⁴ Юдин Г.Б. Указ. соч.

¹⁵ Ушакин С.А. Указ. соч.

¹⁶ Fine G.A. Ten Lies of Ethnography: Moral Dilemmas of Field Research // Journal of Contemporary Ethnography. 1993. Vol. 22. No. 3. P. 267–294.

цесс – интерсубъективное конструирование форм общения¹⁷. Поле меняет представление о том, что в принципе есть мир и как он устроен, а это уже онтологические основания, которые немного «травмируются».

Кратко о социологии (которая просто не может быть виновата по определению)

Для социологии внутреннее изменение исследователя не представляет первичный интерес. Наверное, потому, что этнография здесь метод (мы наблюдаем, проводим интервью, анализируем документы и проч.), в то время как для антропологов она – неотъемлемый аспект существования. Поэтому чаще «все, что происходило в X, остается в X». Одной из немногих работ, обращающих внимание на эмоциональность эмпирического этапа, является статья И. Штейнберга о профессиональном выгорании. Оно связано со спецификой метода и необходимостью «вчувствоваться» в жизненный мир информантов, устанавливать доверительные отношения¹⁸. Слабо различимая граница между эмпатией и симпатией, вовлеченностью и отстраненностью чаще рассматривается с посылом «не навреди» по отношению к респондентам, но редко кто-то открыто (в данном случае – публично) рефлексивует на тему «что я пережил(а) в поле, и как это меня поменяло»¹⁹.

Арли Хохшильд ввела в обращение социологической теории термин «эмоционального труда»²⁰. Он предполагает, что помимо непосредственной трудовой деятельности человек также обязан выполнять неявную работу по производству определенных эмоций, требуемых в данном контексте работы, и управлению своими истинными чувствами. Хохшильд исследовала и приводила в качестве примера стюардесс, но вдохновлялась драматургическим подходом Гофмана, поэтому термин вполне применим и к другим рабочим средам и взаимодействиям, где необходима *facework*.

«Эмоциональный труд» полевого исследователя и интервьюера еще слабо артикулирован среди теоретиков и практиков. Также пока нет и четкого понимания того, насколько эмоционально восприимчивым должен быть исследователь и как с этим работать (и жить). И хорошо, если первый исследовательский опыт происходит в неспецифическом и относительно непроблемном поле, нейтральном и близком к нашей повседневности – так проще сохранять спокойствие и трезвый ум, следовать накрепко выученному завету Вебера о свободе от ценностей. Но ведь Вебер писал не об этом! Он говорил про свободу от *оценочных суждений*. Это заблуждение очень

дорого обходится, когда мы выходим собирать эмпирику с помощью красивых и стройных схем и моделей. И здесь происходит то самое «столкновение», травма.

Моя личная и неинтересная история травмы берет свое начало с Всероссийской переписи населения в 2010 г. Дальше она окрепла в исследованиях работы детских садов и набрала полную силу в этнографии Почты России. Но осмысление и понимание пришло лишь позднее, в момент перехода, когда впервые я поехала в поле в качестве преподавателя-наставника, а не просто участника.

С 2010 г. в рамках «Летней социологической практики» социологического клуба «Город» и Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ проходят экспедиции в малые города. Участники экспедиций – в большинстве своем студенты-социологи НИУ ВШЭ, часто без опыта интервьюирования. Состав участников меняется, тема достаточно гибко адаптируется под конкретные вопросы в широкой рамке «исследования сообщества». Неизменны параметры выбора города (до 10 тыс. человек, наличие сколько-то развитого краеведения, территориальная доступность), принципы работы в поле (интервью, этнография, работа с документами) и проведение серии предварительных семинаров и встреч по приезду. Теоретическими источниками вдохновения обычно служат работы Гирца и Малиновского²¹, а для ознакомления с методом разбираются примеры конкретных этнографий и интервью, со всеми ошибками и вопросами. Отдельное внимание уделяется вопросам этики полевой работы.

Приехав в выбранный для экспедиции малый город, каждый студент сталкивается с объективной реальностью жизни, а не методологическими рекомендациями и описаниями кейсов. Возникает целый ряд вопросов (к тому же Файну), которые студенты видят четче из-за новизны опыта и свежести полученной «травмы». Оказывается, что любая тема беседы способна соскользнуть в биографическое интервью и обрушить целую лавину переживаний на интервьюера. Оказывается, очень трудно задавать вопросы по гайду и стараться сохранять дистанцию, когда люди рассказывают о своих жизненных трагедиях. А еще оказывается, что даже наши базовые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо – это очень условные вещи, сформировавшиеся в белом, достаточно гомогенном, чаще всего среднем классе с определенным уровнем образования, ценностями, шансами и ожиданиями от жизни.

В малых городах не все хорошо, они могут быть экономически депрессивными и демографически вымирающими. И первый опыт общения с жителями выводит на передний план спасение мира и постулаты публичной социологии, подвергая опасности классические добродетели и этнографическое «я». В лучшем случае возникает сильный эмоциональный отклик («Как они здесь живут?!»), желание вовлечься и что-то изменить в журналистском стиле. Но город не игрушечный, как не яв-

¹⁷ Ушакин С.А. Указ. соч.

¹⁸ Штейнберг И.Е. Профилактика «профессионального выгорания» в полевой работе социолога // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 27. С. 188–203.

¹⁹ Конечно, здесь я делаю некоторое упрощение, сводя рефлексии к лишь чувствам и эмоциям, изменения идут и на более глубоких уровнях. Но об этом написано еще меньше.

²⁰ Hochschild A.R. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 2012.

²¹ Например: Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретивной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997; Малиновский Б. *Избранное: Аргументы западной части Тихого океана*. М.: РОССПЭН, 2004.

Из архива автора

ляются игрушечными рассказанные истории и биографии (ведь экспедиции имеют свойства заканчиваться, а информанты – оставаться в своем городе). В худшем случае (и такие были в практике) студенты могут замыкаться и рационализировать процесс общения по принципу «Я знаю, как вынуть нужную информацию из человека».

Конечно, здесь уместно спрашивать, как приезд 10–15 человек, активно интересующихся жизнью сообщества, влияет на жизнь этого самого сообщества (и как ситуация каждого конкретного интервью влияет на информанта). Но можно ли минимизировать последствия получения «травматического опыта»? Они неизбежны в силу специфики метода, но в какие-то моменты влияют на личность исследователя. Например, кто-то может обвинить тебя в шпионаже и закрыться, и тогда в дальнейшем начинаешь руководствоваться только категорией «вызываю доверие/нет» при входе в поле и проработке легенды (из личного опыта). Или человек отказывается от проведения интервью в пользу количественных методов, потому что смотреть и слушать «невыносимо» (из опыта студентов). Либо любой трагический или несправедливый случай из истории города и биографий его жителей объясняется по принципу «Ну, так это устроено здесь, к сожалению» (из опытов многих). Как связаны исследовательская беспристрастность (как одно из требований

и критериев профессионализма), доброта-честность и черствость? Почему желание срочно встать и что-то делать с проблемой информанта после проведения интервью – это хорошо, а нежелание общаться с людьми и как можно скорее выйти из интервью даже в ущерб его качеству – это плохо и недопустимо, ведь это следствия все того же эмоционального опыта?

«Эмоциональный труд» полевица пока слабо артикулирован среди теоретиков и практиков. Нельзя от него откеститься, потому что в интервью мы руководствуемся не только формальной процедурой. Попытка отгородиться методологической стеной и щитом из гайда просто не выдерживает натиска обычной человеческой коммуникации.

Поле всячески запутывает наши чудесные построения и подвергает мучительным переживаниям. Но именно там и нигде больше есть вопросы на наши ответы. Почти невозможно (да и не всегда необходимо) заниматься хирургическим разделением себя-в-исследовании и себя-вне-исследования, они всегда будут связаны. Можно (и необходимо) отдавать себе в этом отчет и делиться переживаниями с теми, кому мы способны их доверить.

Здесь должен следовать вывод с обнадеживающим напутствием, но вместо этого будет простой призыв: идите и исследуйте. Это не всегда исключительно мыслительный процесс.

Введение

Этнография традиционно считается особым методом для изучения культурных и субкультурных практик и повседневных взаимодействий. В реальности данная исследовательская стратегия обычно сводится к тому, что в процессе сбора данных исследователь не просто со стороны наблюдает за происходящим, но и сам в нем активно участвует¹, параллельно фиксируя все увиденное и услышанное². В результате «включение» в реальные жизненные ситуации приводит исследователя к пониманию субъективных смыслов тех или иных действий.

В строгом и классическом смысле проведение этнографического исследования подразумевает длительное пребывание «в поле». Известный антрополог и основатель этнографического метода Бронислав Малиновский отмечал, что присутствие исследователя может быть причиной неестественного поведения участников «поля». Это связано с тем, что изначально исследователь воспринимается местным сообществом как Чужой, к которому во многих культурах принято относиться с настороженностью. Лишь долгосрочное пребывание в поле может нивелировать этот эффект: через какое-то время люди привыкнут к исследователю и перестанут скрывать свое обычное поведение³.

Необходимость длительного нахождения в поле также связана с тем, что исследователю требуется время для понимания широкого социального контекста, в который вписаны

¹ В данном случае речь идет о том, что участие исследователя в происходящем приводит к производству совместного социального опыта исследователя и теми людьми, которых он изучает. Такое участвующее (этнографическое) наблюдение можно считать «включенным» с той оговоркой, что оно может иметь разную степень вовлечения исследователя в ситуацию. Подробнее см. Spradley J.P. Participant observation. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1980.

² Hammersley M., Atkinson P. Ethnography. Principles in Practice. 2nd ed. London: Routledge, 1995. P. 88–104.

³ Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.

Полевая этнография: методология, этика и практика

Лариса Бархатова*

студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» факультета социальных наук НИУ ВШЭ

определенные практики наблюдаемой культуры⁴. При этом, чем более далекими от его собственного опыта будут эти практики и представления, тем больше времени необходимо на погружение в изучаемое поле.

Сегодня классические «продолжительные» этнографии практикуются в основном в рамках культурной и социальной антропологии. В силу трудоемкости процедур такого длительного исследования в социологии большее распространение получили так называемые «краткие» этнографии⁵, которые предполагают проведение полевого этапа в относительно короткие сроки (несколько месяцев, недель или даже дней). Как правило, легитимность такой методологии основана на том, что для понимания относительно привычного культурного контекста исследователю требуется значительно меньше времени, чем антропологам, изучающим далекое социокультурное

поле⁶. Однако к такой аргументации есть достаточно много вопросов.

Методологические и этические проблемы краткой этнографии

Отталкиваясь от представленной в методологической литературе дискуссии относительно познавательных возможностей краткой этно-

графической между своей позицией объективного наблюдателя и субъективной позицией участника.

Другая проблема, с которой неизбежно сталкивается исследователь при проведении этнографического «поля», состоит в «индивидуализации» исследовательского опыта. Поскольку в этнографическом исследовании опыт взаимодействия с

участниками полевого исследования в некотором смысле уникален, даже погружение в одно и то же поле у разных исследователей может протекать по-разному⁸. К примеру, одному исследователю может открыться одна сторона поля, в то время как попадание туда другого исследователя ввиду его социального статуса (пола, возраста и т.д.) может быть ограничено.

В этнографическом исследовании опыт взаимодействия с участниками полевого исследования в некотором смысле уникален, даже погружение в одно и то же поле у разных исследователей может протекать по-разному

Проведение этнографического наблюдения также почти всегда сопряжено с *этическими дилеммами*. В качественном социологическом исследовании⁹ коммуникация между исследователем и информантом априори асимметрична: информант делится с ученым некоторыми фактами из своей жизни, но фактически ничего не получает в ответ¹⁰. Тот факт, что последний является источником получения необходимой информации, задает изначальную неэтичность ситуации. Поэтому основная задача процедурной этики – обе-

графией, мы выделили основные проблемы, которые есть в данной методологии.

Сокращение продолжительности полевого этапа до нескольких месяцев или дней ставит под сомнение реализацию *базовых принципов* этнографического исследования. Возникает множество вопросов относительно того, как в случае такого короткого поля можно успешно погрузиться в изучаемую среду, т.е. достичь максимального приближения к жизни изучаемого сообщества⁷.

Проблема усугубляется тем, что краткая этнография не исключает и типичных для этнографии сложностей. Находясь в активном взаимодействии с информантами, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью *соблюдать баланс*

* Автор выражает благодарность своему научному руководителю Ирине Козиной.

⁴ O'Reilly K. *Ethnographic Methods*. 2nd ed. Abingdon: Routledge, 2012.

⁵ Другое название, которое можно также встретить в литературе – «фокусированные» этнографии.

⁶ Fusch P., Fusch G., Ness L. How to Conduct a Mini-Ethnographic Case Study: A Guide for Novice Researchers // *The Qualitative Report*. 2017. Vol. 22. No. 3. P. 923–941.

⁷ Fetterman D. M. *Ethnography: Step-by-step*. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009.

⁸ Климов И.А. Размышления о полевом шоке // *Социальная реальность*. 2008. № 3. С. 87–99.

⁹ В данном случае асимметрия положения исследователя и информантов свойственна всей качественной социологии, а не только этнографии. Однако именно в этнографическом исследовании она принимает наиболее ярко выраженный характер.

¹⁰ Воронков В. Размышления о полевом исследовании // *Социолог в поле: уйти, чтобы остаться* / под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009.

Особый интерес представляет изучение того, как указанные проблемы решаются в исследовательской практике, которая также является одним из источников для развития методологии

спечить защиту информанта, которая достигается за счет соблюдения ряда принципов и правил проведения исследования: анонимности, конфиденциальности, информированного согласия и др.¹¹

Обозначенные проблемы пока не нашли решения в научной литературе. Рекомендации, которые содержатся в учебных материалах по этнографии, носят общий характер и, в основном, опираются на классические работы. Поэтому особый интерес представляет изучение того, как указанные проблемы решаются в исследовательской практике, которая также является одним из источников для развития методологии.

Методология исследования

В настоящей статье мы обращаемся к анализу исследовательских практик, связанных с проведением кратких этнографий в российском контексте. Основным методом сбора данных стали полуформализованные *интервью с экспертами* – российскими социологами, имеющими опыт проведения кратких этнографических исследований.

Критерием «экспертности» являлось наличие публикаций в ведущих российских и зарубежных журналах или презентации на научных конференциях результатов этнографических исследований¹². Кроме

¹¹ Веселкова Н.В. Об этике исследования // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 109–114.

¹² В данном случае речь идет о социологических этнографических исследованиях, реализованных в формате кратких этнографий. Антропологические и междисциплинарные исследования в данной работе рассматриваться не будут.

того, дополнительно требовалось, чтобы минимальный стаж работы эксперта в качественной социологии был не менее пяти лет.

Сбор эмпирических данных в заявленном исследовании осуществлялся в период с декабря по апрель 2017 г. Поиск информантов проводился посредством личных знакомств, которые дополнялись контактами исследователей, найденными в программах научных мероприятий, проходящих в Москве в период проведения «поля».

Эмпирическую базу исследования составили 13 интервью с социологами, работающими в ведущих российских университетах и исследовательских компаниях. Были опрошены представители различных направлений прикладной социологии, что позволило получить наиболее комплексный взгляд на изучаемую проблему.

Проблемы применения краткой этнографии в условиях российского поля

Обозначенные выше проблемы вхождения в короткое поле, соблюдения баланса, индивидуализации исследовательского опыта и этических дилемм являются типичными для кратких этнографий. Однако в зависимости от культурного и социального контекста эти проблемы могут по-разному выражаться на практике.

В российских реалиях наиболее острой проблемой оказывается установление контактов с участниками поля. Из-за *низкого уровня институционального и межличностного доверия* в обществе исследователь нередко отождествляется с образом ревизора, который приехал с проверкой. Многим из опрошенных нами экспертов приходилось сталкиваться с подобными обстоятельствами. При этом попытки переубедить людей в обратном часто оказываются безуспешными: они продолжают верить в то, что социолог – это замаскированный проверяющий.

Проблема в данном случае состоит в том, что принятие исследователя за проверяющего приводит к заведомому сокрытию части информации¹³. У людей появляется желание показать себя с лучшей стороны, в то время как исследователи заинтересованы в изучении реальных, рутинных практик. Единственное преимущество, которое может вынести социолог из этой ситуации, – это то, что его присутствие и расспросы будут терпеть.

Другая сторона проблемы связана со сложностью *выбора подходящей исследовательской роли*. С одной стороны, так как основной целью полевого этапа является сбор данных, сконструированный исследователем собственный образ не должен от-

Безусловно, наиболее этичным является полное раскрытие исследовательских целей, но это зачастую создает дополнительные сложности в мотивации информантов

пугивать людей от участия в исследовании. С другой стороны, допустим ли обман во благо науки? Ответ на этот вопрос каждый находит для себя сам. Безусловно, наиболее этичным является полное раскрытие исследовательских целей, но это зачастую создает дополнительные сложности в мотивации информантов. Убедить информанта поучаствовать в исследовании можно, указав на потенциаль-

¹³ «В российской культуре очень велика такая привычка культурная – организовывать, на всякий случай, потемкинские деревни, я уж не говорю траву красить, хотя и такие случаи были. Правда, это когда не нас встречали, а кого-то другого. Но вот эта вот привычка проверяющим и тем, кого прислало начальство, показать все с лучшей стороны – вот это, конечно, было. Когда ты элементарно целый день берешь интервью, и тебя приглашают покушать на обед, тебя стараются привести не в ту столовую, где кушают, например, рядовые люди, а обязательно в ту, которая для руководителей».

ную практическую полезность его результатов для данного сообщества и его общую социальную значимость. Но и здесь не все так однозначно. Из-за нехватки административных, властных и других ресурсов социолог может только пообещать донести проблему до представителей власти и общественного обсуждения¹⁴.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как на практике *соблюдаются этические нормы* в этнографических исследованиях. Несмотря на то что многие из опрошенных нами экспертов стараются рассказывать информантам о существующих процедурных правилах проведения исследований, зачастую следовать этим правилам не всегда возможно. Например, одним из проблемных сюжетов является получение информированного согласия на диктофонную запись. Как поступить исследователю в ситуации, когда информант не дает своего согласия? С точки зрения норм процедурной этики исследователь должен отказаться от нее. Однако в этнографическом поле бывают ситуации, когда «язык» местного сообщества оказывается настолько самобытен, что

запись выступает единственным способом фиксации социального контекста, хотя формально правила академической этики запрещают этого делать.

Таким образом, опыт российских социологов еще раз подтверждает тот факт, что проведение этнографического поля, особенно в кратком варианте, сопряжено с множеством неизбежных для такого типа исследований сложностей, которые необходимо научиться каким-то образом преодолевать.

Правила и техники полевой работы

Описав спектр проблем, с которыми сталкиваются российские социологи в своей исследовательской практике, необходимо разобраться с тем, как они их решают. На основе проведенных интервью мы выделили ключевые исследовательские приемы, которые используют российские социологи для обеспечения более быстрого включения в поле.

Базовое правило, которого придерживаются опрошенные эксперты, – доброзелательное отношение к информантам. Поскольку исследователь – это тот, кто приехал изучать Других, необходимо соблюдать социальные нормы, принятые в этом сообществе. Нельзя осуждать информантов, даже если они совершают или говорят нечто недопустимое.

самобытен и необычен по лексике, что она его никогда не воспроизведет и не запомнит даже.... Это другая среда. Она использует совсем другие обороты ... Ты не запомнишь. И она тогда начала время от времени включать диктофон на телефоне».

Опыт российских социологов еще раз подтверждает тот факт, что проведение этнографического поля, особенно в кратком варианте, сопряжено с множеством неизбежных для такого типа исследований сложностей, которые необходимо научиться каким-то образом преодолевать

Кроме того, исследователь должен с пониманием относиться к проблемам изучаемого сообщества. До начала полевой работы желательно войти в курс происходящего, изучить публикации в СМИ, социальных сетях и т.д. Знание фактологии и демонстрация реального интереса к проблемам конкретных людей (мы назвали этот исследовательский прием техникой «экспертной коммуникации») помогает расположить к себе участников поля и создать более доверительные отношения.

Нередко для налаживания контакта продуктивным оказывается «подчеркивание идентичности». Это может выражаться в указании на общность опыта переживания какого-либо события, пребывания на определенной территории и проч.¹⁶ Идентичность может выстраиваться как вокруг индивидуальных, так и вокруг групповых черт, определяющих близость исследователя к миру информанта. Частным случаем «подчеркивания идентичности» является исследовательская техника «местного языка». Суть ее состоит в освоении и использовании словаря участников поля – привычных для них слов и выражений¹⁷. В противном случае инфор-

¹⁶ «Наверняка у Вас, наверное, есть и у Ваших знакомых есть случаи, когда детские опыты остаются на всю жизнь, и Вы потом их вспоминаете... Поэтому закидывая в пространство разговора какую-то историю на релевантную тему, которая Вас же и раскрывает... Это всегда открывает двери».

¹⁷ Известный антрополог Клиффорд Гирц называл такие выражения «близкими-к-опыту»

На основе проведенных интервью мы выделили ключевые исследовательские приемы, которые используют российские социологи для обеспечения более быстрого включения в поле

у исследователя могут возникнуть трудности не только с пониманием, но и с запоминанием услышанного¹⁵. В данном случае диктофонная

¹⁴ «Психолог душу тебе полечит, священник ее спасет... У всех свои компетенции. Даже со следователем, да, ты тоже можешь быть искренним, потому что ты веришь или тебя убедили, что чистосердечное признание облегчит твою участь,... А кто такой социолог? Почему ты, собственно, с ним должен про это беседовать?»

¹⁵ «Т.е. в какой-то момент в некоторых случаях, она понимала, что рассказ настолько

манты могут не понять смысл тех терминов, которыми оперирует социолог, и трактовать их неправильно.

Тем не менее, не всегда для установления доверительных отношений с информантами можно ограничиться набором определенных коммуникативных техник. В ряде случаев от исследователя могут потребоваться более специфические действия. Например, это

может быть оказание сильной помощи информантам (этот прием мы назвали «техникой кооперации»). Как правило, оказание небольших бытовых услуг очень ценится людьми, и они становятся более откровенными в общении с исследователем.

Однако несмотря на то что этнографическое наблюдение предполагает активное участие исследователя в жизни изучаемой социальной группы, во избежание возможных проблем эта активность все-таки должна иметь определенные границы. В частности, не стоит злоупотреблять гостеприимством своих информантов, поскольку это может привести к недопустимому сокращению дистанции между исследователем и информантами и перевести отношения на более личный уровень¹⁸.

Представленное описание может создавать впечатление конформности и пассивности роли полевого исследователя. Однако фокусировка экспертов на подобных чертах профессиональной идентичности ско-

понятиями, с помощью которых люди сами описывают свой жизненный опыт. Подробнее см. Гирц К. С точки зрения туземца // Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С. 89–94.

¹⁸ «Один наш коллега, который в Питере работал и интервьюировал дворянскую семью ... так с ними и подружился. Он кого-то крестил, у кого-то был на дне рождения. И фактически эта ситуация не позволяла ему занять дистанцию по отношению к объекту своего анализа. Т.е. чтобы написать аналитической отчет, надо выйти из поля. Он же в нем просто потонул».

Не всегда для установления доверительных отношений с информантами можно ограничиться набором определенных коммуникативных техник. В ряде случаев от исследователя могут потребоваться более специфические действия

рее указывает на особую важность этих аспектов полевой работы.

Заключение

В российском контексте ключевой проблемой коммуникации между исследователем и участниками поля является установление контакта. Из-за низкого уровня институционального и межличностного доверия в современном российском обществе выстраивание доверительных отношений с информантами дается исследователям с большим трудом. В российской практике социологи часто маркируются участниками поля как потенциально опасные Чужие, имеющие не вполне понятные для них цели. От этого российским исследователям нередко приписывают образ ревизора, приехавшего с проверкой. Как при любой проверке, это провоцирует желание показать себя в лучшем свете и скрыть от исследователя реальные социальные практики.

Чтобы достичь необходимой для понимания ситуации включенности в условиях короткого поля, исследователи вынуждены прибегать к особым методическим приемам и техникам.

Так, до выхода российские социологи настоятельно рекомендуют познакомиться с образом

жизни изучаемого сообщества: посмотреть новости, почитать местные СМИ и проч. Знание фактов, а также демонстрация реального интереса к проблемам сообщества может помочь исследователю расположить к себе информантов.

Другой исследовательский прием, которым пользуются российские социологи в полевой работе, – демонстрация общей идентичности с изучаемым сообществом. Если жизненный опыт исследователя пересекается с опытом

информантов, это может стать эффективным способом для налаживания контактов.

Однако эксперты предостерегают от чрезмерного вовлечения в поле. В этнографическом поле это может привести к потере этнографической дистанции, что в конечном счете ставит под сомнение возможность корректного завершения исследования.

В качестве направлений для дальнейших исследований мы предлагаем сравнить выделенные нами комбинации методологических решений, в наибольшей степени релевантные формату кратких этнографий, с другими формами современной этнографии: коммерческой этнографией, нетнографией, мобильной этнографией и т.д. На наш взгляд изучение различий в методологии различных типов этнографии поможет углубить понимание того, как можно преодолеть ключевые проблемы проведения этнографического поля.

В российской практике социологи часто маркируются участниками поля как потенциально опасные Чужие, имеющие не вполне понятные для них цели. От этого российским исследователям нередко приписывают образ ревизора, приехавшего с проверкой

Интервьюер 80 lvl

Полина Колозариди

интернет-исследователь, координатор «Клуба любителей интернета и общества», кандидат социологических наук, научный сотрудник Института образования НИУ ВШЭ

Дарья Радченко

антрополог, преподаватель в РАНХиГС, заместитель руководителя Центра городской антропологии КБ «СТРЕЛКА»

Интервью – это игра. Action, стратегия, ролевка, приключения – по обстоятельствам. Почти наверняка многопользовательская и с понятным выигрышем – только win-win. Дарья Радченко и Полина Колозариди разработали целый тренажер для отработки интервью-приемчиков, которые можно опробовать на себе, соседе и любом от важном информанте. Все это — ситуации, с которыми рано или поздно мы сталкиваемся «в поле». За успешное прохождение вы получаете награды-ачивки, а в конце вас ждут коды и подсказки. Играть, кстати, лучше всего в офлайне, разделившись на пары, где один респондент, а второй – интервьюер. Погнали!

А вот подсказки и коды к игре, которые помогут ее пройти:

Во-первых, признайтесь: вам хочется убежать или давить, настаивая на своем, это естественно, но так не прийти к победе. А какие есть стратегии поведения интервьюера в таком случае?

- **Признание конфликта.** Пример: «вижу, что вам не нравится мой вопрос и споры между разными медиа – это действительно сложная для вас тема. Вы даже повышаете голос, когда о ней говорите». С признанным конфликтом всегда двигаться дальше, и, например, сразу перейти к следующей стратегии.

- **Зондирование.** Это серия коротких вопросов вокруг темы. Пример: «а если не говорить про интернет. Газеты вы читаете? Вот за новостями про Олимпиаду следите? А радио?». Вы открыто оставляете предыдущую тему и набрасываете варианты для новой. Но тут важно не ускользнуть, а именно вбросить несколько вариантов (так может произойти переход к другой теме, а можно и вывести на старую через смежную).

- **Общее дело.** Пример: «действительно, формулировка у моего вопроса была неудачной. Давайте вместе пойдем, как тут лучше сказать?». Ваша задача – честно вовлечь собеседника. Отлично работает, если вы достаточно уверены в себе, а собеседник – в себе.

- **Трикстер.** Осторожно перевести конфликт в шутку с улыбкой спросить, например: «правда? Вообще ничего не читаете? Ни за что не поверю».

+10 Информант чувствует себя оскорбленным не к месту употребленным словом. Придраться можно к любому слову или формулировке.

Информант: Сам ты «пользователь»!

Ачивка за прохождение: +10 к навыку заклинания змей-информантов.

+15 Информант подозревает интервьюера в чем-то.

Информант: А вы вообще тут за чьи деньги все разносите? Кто заказчик исследования?

Ачивка за прохождение: +15 к обезоруживающей честности.

Ш П И О Н А Ж Информант подозревает интервьюера в чем-то.

Информант: Кто вам дал мои контакты? Как вы меня нашли? И вообще, почему я?

Ачивка за прохождение: вы открыли персонажа «Шпион».

? Информант обесценивает работу интервьюера.

Информант: Вопросы у вас какие-то дурацкие.

Ачивка за прохождение: в вашем арсенале появились «поправленные после пилотажа и теперь не такие уж дурацкие» вопросы.

+50 Информант флиртует с интервьюером.
 Информант: А можно вас вечером на кофе пригласить?
Ачивка за прохождение: +50 к навыку отказываться от предложений, от которых невозможно отказаться.

+10 Информант обесценивает работу интервьюера.
-10
 Информант: Вы такая симпатичная, а занимаетесь черт знает чем, ерундой какой-то, это никому не нужно и никому не интересно.
Ачивка за прохождение: +10 к самооценке, -10 к самооценке, итого — 0.

+5 Информант сомневается в компетентности интервьюера и качестве исследования.
 Информант: Какое вообще качество будет у этого исследования, если вы с десятью людьми всего поговорили?
Ачивка за прохождение: +5 к навыку преподавания методологии социологического исследования.

Ш
Е
Р
С
О
Н
А
Ж
Информант демонстрирует свое превосходство (в т.ч. интонацией, мимикой и т.д.).
 Информант: У меня, знаете ли, очень мало времени, давайте уже побыстрее со всем этим.
Ачивка за прохождение: вы открыли персонажа «Тварь дрожащая».

+20 Информант отвлекается и не возвращается к теме.
 Информант: Ой, о чем это мы? Сейчас, только на звонок отвечу? Алло, Иван Иваныч. Да, вот интервью даю. Да. Ага. (возвращается) Нет, ничего вам больше не могу сказать. Какой следующий вопрос?
Ачивка за прохождение: +20 к терпению.

+100 Информант говорит третий час.
 Информант: И вот в 1997 году приходит ко мне Святослав и говорит: «А давай я вам такие компы привезу, я вот видел». А я ему подбоченился и говорю: «Видали мы и получше». А сам думаю...
Ачивка за прохождение: +100 к навыку спать с открытыми глазами.

+5 Информант навязчиво хочет продолжать общение и помочь с исследованием.
 Информант: Смотрите, я сейчас вас со всеми познакомлю. Вот, держите телефон, я набрал Семена. Сема, тут с тобой интервью хотят взять, про твой магазин старый. Ага, про компьютеры. Из Москвы. Девушка, ну что вы, поговорите с Семеном.
Ачивка за прохождение: вы открыли персонажа «Своя в доску».

- **Выраженная забота.** Пример: «Мне очень не хочется, чтобы интервью вас расстраивало. Давайте вернемся на два шага назад». Осторожно, эта стратегия открыто представляет вас как ответственного за коммуникацию человека.

- **Снятие конфликта.** Можно посмотреть на собеседника, улыбнуться и пойти дальше. Иногда можно что-то сказать, чтобы интервьюер понял, что вы его слышите, но предлагаете идти дальше.

В любом случае, у всех интервьюеров есть свой стиль и подход. Кто-то более формален, кто-то подчеркнuto развязен, иногда люди держат дистанцию, но нельзя сказать, что нужно «быть собой» или даже «быть искренним», это всё неправда. Что нужно делать – это искать те пути, которые лучше всего подходят вам-в-интервью, интересуют вас самих и при этом работают в общении.

В любой беседе вам поможет заинтересованность в том, что говорит ваш собеседник. Но во время интервью важно соблюсти баланс между своей нейтральной позицией и доброжелательностью к собеседнику, между своей эмпатией и тем, чтобы не давать обещаний, которых не можете выполнить.

Что еще почитать по теме:
 Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор
департамента социологии, первый проректор,
руководитель ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, старший научный
сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук, старший
преподаватель департамента социологии,
старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ
ВШЭ

Елена Гудова

аспирант департамента социологии, младший
научный сотрудник ЛЭСИ НИУ
ВШЭ

Софья Урманчева

журналист, редактор

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Дмитрий Рогозин

кандидат социологических наук, директор
Центра методологии федеративных
исследований РАНХиГС, преподаватель
факультета социальных наук МВШСЭН,
старший научный сотрудник Института
социологии РАН

Елена Гудова

преподаватель кафедры экономической
социологии, младший научный сотрудник
ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Лариса Бархатова

студентка магистерской программы
«Прикладные методы социального
анализа рынков» факультета социальных
наук НИУ ВШЭ

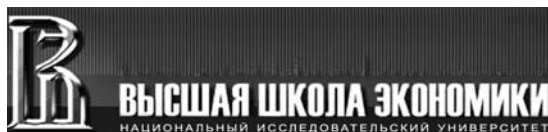
Полина Колозариди

интернет-исследователь, координатор
«Клуба любителей интернета и
общества», кандидат социологических
наук, научный сотрудник Института
образования НИУ ВШЭ

Дарья Радченко

антрополог, преподаватель в РАНХиГС,
заместитель руководителя Центра
городской антропологии КБ «СТРЕЛКА»

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая,
д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452
e-mail: kotelnikova@hse.ru
web: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>

Адрес редакции

Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:
<http://www.hse.ru/mag/newsletter/>